

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

нацистов, возможность подъёма рейха. Антимилитаристы, которые, как и я, меньше всего могли обращаться с оружием, радовались по поводу занятия Парижа. Критически настроенные исследователи истории предрекали возникновение германского всемирного рейха. Противники нацистской системы, тяжело страдавшие от неё, обсуждали уже планы разрушения Лондона. В добропорядочных бюргерских семьях, при свете лампы, занимаясь вязаньем чулок, с радостью воспринимали сообщение о потоплении английского судна и гибели всей команды, с удовлетворением констатировали бомбардировку какого-то города, и с горечью реагировали на проявления сопротивления в Польше, Норвегии и Греции. Концлагерей не должно быть, и потому их и не было» [17]. Хотя эти слова относятся к временам первых военных побед нацистов, они не потеряли своей актуальности и в годы войны с СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kampf gegen die Sowjets. Berichte und Bilder vom Beginn des Ostfeldzugs bis zum Frühjahr 1942 // Hrsg.v. Oberkommando der Wehrmacht. – Berlin, 1943.
2. Кульков, Е.Н. Германия: немцы под нацистской свастикой. Война и общество в XX веке / Е.Н. Кульков. – Книга 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны / Под ред. Е.Н. Кулькова. – М., 2008.
3. http://de.wikipedia.org/wiki/Edwin_Erich_Dwinger
4. Dwinger, E.E. Wiederssehen mit Sowjetrußland. Tagebuch vom Ostfeldzug / E.E. Dwinger. – Jena, 1942.
5. Baumann, H. Es zittern die morschen Knochen / H. Baumann // Loewy E. Literatur unterm Hackenkreuz. Das Dritte Reich und seine Dichtung. Eine Dokumentation. – Köln, Frankfurt am Main, 1977.
6. Baumann, H. Briefgedichte aus dem Kriege / H. Baumann // Das Innere Reich. – Oktober 1941. – Berlin.
7. Baumann, H. Von den Bewährungen des Dichters / H. Baumann // Die Dichtung im kommenden Europa. – Weimarer Reden 1941, Hamburg 1942.
8. Schumann, G. An Europa / G. Schumann // Weimarer Blätter 1940. Festgabe zur großdeutschen Buchwoche. – Leipzig, 1940.
9. Bautz, S. Gerhard Schuman – Biographie – Werk. Wirkungen eines prominenten Autors / S. Bautz. Gießen, 2008.
10. Schumann, G. Gesetz wird zum Gesang / G. Schumann. – München, 1943.
11. Schumann, G. Krieg – Bericht und Dichtung / G. Schumann // Dichter und Krieger. Weimarer Reden 1942 / Hrsg.v. R. Erckmann. – Hamburg, 1943.
12. Schumann, G. Besinnung. Von Kunst und Leben / G. Schumann. – Bodmann/Bodensee, 1974.
13. Lange, H. Tagebücher aus dem zweiten Krieg / H. Lange // Hrsg.v. H.D. Schäfer. – Mainz, 1979.
14. Raschke, M. An der Front von gestern. Ein Kriegsbericht / M. Raschke // Das XX. Jahrhundert. – 1941. – Н. 12.
15. Raschke, M. Im Schatten der Front / H. Lange // Hinweis auf Martin Raschke. Eine Auswahl der Schriften / Hrsg.v. D. Hoffmann. – Heidelberg/Darmstadt, 1963.
16. Martin Raschke (1905–1943). Leben und Werkchronik // Hrsg.v. W. Haefs, W. Schmitz. – Dresden, 2002.
17. Hamm, P. Wille zur Ohnmacht. Ein Porträt des katholischen Schriftstellers Reinhold Schneider.

ПЕСНИ «ГИТЛЕРЮГЕНД» В СИСТЕМЕ НАЦИСТСКОЙ ИНДОКТРИНАЦИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

А.В. Добряшкина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва (Россия)

«Когда я еду через Германию, я вижу миллионы детей, в которых и заключается смысл нашей работы. Я вижу детей, которые принадлежат не только своим матерям, но и мне».

(А. Гитлер, партийный съезд в Нюрнберге, 1936 год)

«Ни одна категория людей не была так основательно, так глубоко подвержена изменениям, проводимым нацистской диктатурой в жизни ее подданных, как дети. Ибо если взрослый немец хоть и был в первую очередь национал-социалистом, но, кроме того, он все же был хозяином магазина или фабрики <...>, то немецкий ребенок – лишь нацистский ребенок и ничего, кроме этого. Школа, в которую он ходит, это нацистская школа, молодежная организация, в которой он состоит, это нацистская организация, фильмы, которые ему позволяет смотреть, это нацистские фильмы, и вся его жизнь безоговорочно принадлежит нацистскому государству» [1, с. 19], – замечает в своем сочинении «Школа варваров» (School for barbarians, 1938) находящаяся в эмиграции со всем семейством Эрика Манн. Программа аг-

рессивной нацистской индоктринации была нацелена, по сути, именно на подрастающее поколение, взрослое население интересовало идеологов в гораздо меньшей степени. Наиболее очевидная причина такого избирательного обращения нацистских идеологов к подросткам – в легкости воздействия и естественном восприятии детей как носителей будущего Германии. Однако не менее важным был и имагологический момент: нацистская Германия, примеряя на себя различные наименования с хилиастическими коннотациями и компонентом «рейх», выступала не только как «третье царство» (укоренившееся в отечественной культуре понятие «Третий рейх» мистических аллюзий лишено) и «тысячелетнее царство» (das tausendjährige Reich), но и как «юношеская империя» (das jugendliche Reich) [2]. Концепция «юности» не была изобретением нацистских идеологов, так же как и призванная воплощать ее государственная детско-подростковая организация Гитлерюгенд. Форма и различная внешняя символика, структура и принципы руководства Гитлерюгенд, концепция «юности» с любовью к походам и песням, и даже идеи фюрерства были переняты у веймарской молодежи (самое известное течение этого молодежного движения – «Перелетные птицы», Wandervogel). Когда в 1922 году по распоряжению Гитлера должно было быть создано молодежное подразделение под управлением СА, никто не подумал о необходимости создать принципиально новую организацию. Принципиально новым был мировоззренческий фундамент, что вчерашние «перелетные птицы», «следопыты» и «бродячие школяры» заметили не сразу. С 1926 года «Великогерманское молодежное движение» (Großdeutsche Jugendbewegung) получило название, более точно отражавшее его сущность: «Гитлерюгенд – союз немецкой рабочей молодежи» (Hitlerjugend, Bund deutscher Arbeiterjugend).

Гитлерюгенд, объединявшая в своих рядах детей и подростков в возрасте 10–18 лет, охватывала 98% детского населения и была самой крупной детско-юношеской организацией в мире. Детям внушалось и при каждом удобном случае демонстрировалось, что они «будущее Германии» и самая важная часть общества, что в понимании Гитлера соответствовало истине. «Служение» Германии и подготовка себя к смерти за фюрера наполняли собой повседневную жизнь подрастающего поколения, не оставляя времени и сил для осознания происходившего. Национал-социализм был на всех уровнях воздействия на личность патологическим «движением эмоций» [3, с. 25]. Сотысячные шествия детей в униформах, факельные феерии, массовое вскидывание рук в римском приветствии, непрерывные изнурительные тренировки и походы с песнями и лозунгами о чести и товариществе, – вся эта «магия религиозных обрядов» [4, с. 64], которой овладел рейхсфюрер Бальдур фон Ширах, весь этот «псевдорелигиозный, агрессивный патриотизм» [5, с. 24], – погружали подростков в состояние пьянящей эйфории. Тотальный контроль над детским сознанием Гитлер считал необходимым пунктом политической программы: «Эта молодежь должна научиться думать по-немецки, действовать по-немецки, и если эти мальчики придут в десять лет в нашу организацию и там впервые вдохнут свежего воздуха, то через четыре года они перейдут из Юнгфолька в Гитлерюгенд и останутся там еще на четыре года. И после этого мы тем более не отдадим их в руки наших старых идеологов классового и сословного общества, а тотчас возьмем в СА или СС и так далее. <...> и они никогда уже не будут свободны на протяжении всей своей жизни» [6, с. 30]. Накануне дня рождения фюрера детей десяти лет, будущих «пимфов», со всей торжественностью собирали в зале готического замка Мариенбург под Данцигом для приведения к присяге. «Этот спектакль», – отмечает Гвидо Кнопц, – «напоминал церковные церемонии и обряд посвящения в рыцари одновременно. <...> в ночи при свете факелов участники грандиозного сборища пели, клялись и маршировали. <...> Обряд вступления в Гитлерюгенд длился несколько часов и по современным понятиям был чересчур затянутым, скучным и странным. Заунывные женские голоса, монотонные патетические речи с бесконечным повторением слова “фюрер”, подъемы и спады общего тона заклинаний в так называемой форме декламации “пламя к небесам”, хоровое пение с пассажами типа “фюрер даровал нам священную милость” <...>. На девочек и мальчиков, которые, дрожа от волнения, ожидали момента приема в Гитлерюгенд, звуки трансляции главной церемонии оказывали демоническое воздействие. Там, где чувства преобладают над разумом, дети становятся легкой добычей. <...> Разумеется, подавляющая часть молодежи находилась в состоянии коллективного гипноза, сравнимого с действием наркотиков» [4, с. 91–92].

Псевдорелигиозные ритуалы сопровождали детей все годы диктатуры, новые праздники заменили старые. Идеологи рейха заимствовали то символы из языческо-природной сферы, перенося на них привычное содержание христианских святынь, то формы из церковного обихода, наполняя их новым древнегерманским содержанием. В результате дети оказывались перед смешением старого привычного и нового волнующего, что позволяло им без страха и с воодушевлением идти к новой героической цели – пролить свою кровь за фюрера, и чем больше была кровавая жертва, тем ближе были «подаренные» Гитлеру дети к исполнению своего жизненного предназначения. 1943 год был объявлен «годом привлечения молодежи к участию в военных действиях», и на фронт призывали семнадцатилетних; 1944 год – «годом военных добровольцев», и на фронт призывали шестнадцатилетних; наконец, в последние недели 1945 года войны на фронт рвались двенадцатилетки, мечтающие спасти Германию.

Нацистская система кардинально изменила статус детской литературы, превратив ее в инструмент индоктринации, в «средство политического обмана» [3, с. 13], «воспользовавшись в то время любовью детей к чтению и пению»; «злоупотребив их открытостью высоким идеям, доверчивостью и безотказностью, чтобы успешно вырастить целое поколение» [3, с. 9], готовое принять немислимое, абсурдное мировоззрение. Исследователь Винфред Камински, рассматривая взаимодействие литературы и воспитания в Третьем рейхе, называет три этапа: перенос народного элемента в политическое воспитание, «конец гуманитарного образования» и формирование характера, «цель которого – ликвидация личности» [7, с. 284].

Первая ассоциация с нацистской индоктринацией – пение марширующих подростков, поскольку, как выразился герой антифашистского подросткового романа Вальтера Шёнштедта, «лучше всего патриотизм прививается посредством разумных песен» [8, с. 179]. Песенный жанр затмил в Третьем рейхе все прочие литературные жанры. «Разумные песни» были самым действенным инструментом в процессе изменения массового сознания. Пение поощрялось, петь было удобно – дома, в школе, секции или во время походов, кроме того, песня была понятным для всех языком, объединяющим началом в марширующих отрядах Гитлерюгенд. Последнее очень важно, поскольку не только песня, но и пешие походы были продуманным средством преобразования, «само марширование обрастало священным смыслом: "И когда мы маршируем, загорается свет, который, сияя, прорывает темноту и облака" ("Und wenn wir marschieren, / dann leuchtet ein Licht, / das Dunkel und Wolken strahlend durchbricht")» [5, с. 42]. Движение, моторика тела все чаще вытесняла у состоявшихся в новой организации детей движение мысли, умение думать, критически осмысливать текущие события. Долгие утомительные тренировки [4, с. 149], культ спорта и максимальное устранение гуманитарного образования должны были превратить детей в поколение почти безвольного антропологического вида, не способного сопротивляться идеологическому программированию. Воспитание в рейхе стало ярким примером управления молодым поколением «с помощью рифмы и пения» [9, с. 14]: «Когда произнесенное слово апеллирует к разуму и интеллекту, когда оно может и должно быть понято, рифмованный и тем более пропеваемый текст воздействует на глубинные пласты сознания <...> прямо и едва ли под контролем разума определяет – значительно сильнее, чем обращения, доклады и увещания – представления о жизни и мире; особенно у подростков с их недостатком жизненного опыта, скепсиса и рассудительности, со всей их наивностью и витальностью» [9, с. 13].

Песенный репертуар детей и подростков Гитлерюгенд, возникший на удобренной почве «Перелетных птиц», венчал гимн НСДАП, известный как «Песня Хорста Весселя» (Horst-Wessel-Lied, 1927), который был официальным вторым государственным гимном и исполнялся торжественно, при вскинутой вверх руке. Текст «Хорста Весселя» отличается строгой политической агрессивностью, почти без примеси мистики, за исключением равенства под знаком свастики живых и «застреленных», подразумеваемого культом мертвых.

Поднимем знамя! Сомкнем ряды плотнее!
С.А. идет спокойным твердым шагом.
Души товарищей, застреленных Ротфронтом
и реакцией,
маршируют с нами в наших рядах*.

Die Fahne hoch! Die Reihen dicht geschlossen!
S.A. marschiert mit ruhig festem Schritt.
Kameraden, die Rotfront und Reaktion erschossen,
marschieren im Geist in unseren Reihen mit.

[10, с. 20]

Для детей содержание песни вряд ли представляло особый интерес, важен был ее автор, имя которого стало синонимом национального героизма и было вписано вторым после самого фюрера в «нацистскую агиографию» [5, с. 35]. Эрика Манн, пытаясь разрушить этот мифический образ и подчеркнуть обычную в Третьем рейхе фальсификацию фактов, спешит нарисовать совершенно иную картину: Хорст Вессель зарабатывает на жизнь сутенерством, «наконец, его убивает другой сутенер, из мести, а ни в коем случае не по политическим мотивам. Погибший молодой человек за свою жизнь не нашел себе никакого занятия, ничего не достиг, что могло бы говорить в его пользу. Но именно этого человека, особенно бесполезного, особенно сомнительного нацисты после его смерти делают героем своего "движения", а произведение его жизни, песню "Поднимем знамена" (Die Fahne hoch) – германским национальным гимном. Эта песня Хорста Весселя представляет собой с обеих сторон, литературной и музыкальной, нечто безнадежное, означающее бесталанность, необразованность, малоценность» [1, с. 70], «известный всему миру плагиат» [1, с. 71]. Книга Эрики Манн принадлежала в 1938 году к первой волне осуждения нацизма, когда не было места для иронии, но при современном понимании Третьего рейха как «организованного хаоса» [11, с. 64] с иррациональным мировоззрением образ Весселя, «сутенера», «особенно бесполезного», «особенно сомнительного», по праву может считаться символом национал-социалистического «героизма».

* Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

Талантливых песенников руководство «имперской молодежью» стало искать еще до 1933 года, настоящей находкой оказался Ханс Бауман (Hans Baumann, 1914–1988), песни которого «каждый день с 1933 по 1945 год распевали сотни тысяч человек» [3, с. 171]. К именитым песенникам относились также Герберт Напирски (Herbert Napiersky), Вернер Альтендорф (Werner Altendorf), Герман Клаудиус (Hermann Caudius). Значение песни было таково, что за этот жанр взялся даже сам руководитель имперской молодежи Бальдур фон Ширах (1907–1974). Песенников было много, поскольку «кто владел рецептом, тот имел право сочинительства» [5, с. 24]. Рецепт подразумевал знание незамысловатого, не особо богатого нацистского словаря: знамя, маршировать, барабан, молодость, будущее, тьма-свет, небо, пламя и все связанное со смертью, кровью и мертвецами, – и способность находить рифму, хотя бы такую, как у Баумана, который особо не переживал по поводу созвучий вида «tot» – «Tod». Была сформулирована новая программа музыкального воспитания, предполагавшая тщательный подбор музыки и текстов для внедрения в детско-подростковые ряды.

Период 1933–1945 годов ознаменовался наплывом песенных изданий: это были песенники для школьников всех возрастов, для детских садов, сборники колыбельных, солдатских, рождественских, походных песен, сборники народных песен с заметным акцентом на песни из немецкого зарубежья. С 1934 года появилась серия песенников «Юные последователи» («Junge Gefolgschaft»), которая включала, согласно государственной программе, песни, написанные не позднее 1930 года. С 1935 года Ведомство культуры при руководстве имперской молодежи выпускало списки рекомендуемых песен (Liederblätter der Hitlerjugend), количество песен доходило до 90 в год. В 1937 году был издан песенник специально для девочек «Мы, девочки, поем. Песенник Союза германских девушек» (Wir Mädel singen. Liederbuch des Bundes Deutscher Mädel), который включал 248 песен, причем 77 текстов вошли также в сборники для мальчиков. За песенником для девочек последовал в 1939 году сборник для мальчиков с аналогичной структурой, но с добавлением военно-полевой части «Наш песенник. Песни Гитлерюгенд» («Unser Liederbuch. Lieder der Hitlerjugend»).

Песенники отражали структуру «гитлеровского года» (Hitlerjahr): 30 января – день немецкой революции, 20 апреля – день рождения фюрера, 1 мая – день национального труда, 21 июня – день молодежи и летнего солнцестояния, 1 октября – день урожая, 9 ноября – день борцов, 21 декабря – день зимнего солнцестояния и праздник йоль (Julfest). «Современникам было понятно», – комментирует «гитлеровский год» Г. Кноп, – «что череда нацистских праздников противопоставлялась праздникам церковным. Псевдорелигиозная форма и суть нацистского движения должна была подменить основы христианской веры» [4, с. 91]. «Гитлеровский год» «Нашего песенника» открывался разделом «Молодой народ поднимается на борьбу» (Ein junges Volk steht auf) и одноименной песней, рисующей то же единение живых и мертвых, что и «Хорст Вессель»: впереди живых солдат чеканят шаг убитые, а над ними парят героические предки. Раздел не только призывал к борьбе, но и давал представление об одном из ключевых явлений нацистского мироустройства в «юношеской империи» – своеобразном восприятии возраста нации. «Молодой народ» должен был объединить под эгидой юности все слои населения независимо от их биологического возраста, поскольку и сам нацизм был «молодым движением»: «Вострубите, славные фанфары: / Мир принадлежит молодым!» [10, с. 63] (Бауман, «Трубящие фанфары», «Ihr rufenden Fanfaren»). Точкой отсчета «молодости» становился пубертатный возраст принятия в Гитлерюгенд (14 лет), к которому стремились пимфы, дети Юнгфолька, и к которому должно было примкнуть поколение родителей. В этом было двойное очарование: с одной стороны, дети чувствовали себя движущей силой истории; с другой стороны, представители старших поколений, особенно вышедшие из «Перелетных птиц», ощущали свою причастность к новому типу жизни, вечной молодости. Довольны были и идеологи: ведь эта вечная молодость была не просто фазой расцвета нации, это был гротескно затянувшийся подростковый возраст.

Расчет на особенности подростковой психологии оправдывался. Будущее и настоящее принадлежало подросткам, прошлое – славным предкам, для любых других возрастных категорий не оставалось ни пространственной, ни временной меры. Они вытеснялись из рейха и истории как враги. Знаковым маршем, содержащим возрастную провокацию, агрессию как в тексте, так и в мелодии, было популярное, одно время запрещенное (из-за строки «сегодня нам принадлежит», которую автор, удалив две буквы, заменил для печатного варианта на «сегодня нас слушает») и не вошедшее в «Наш песенник», раннее творение Баумана «Дрожат дряблые кости» («Es zittern die morschen Knochen»):

Дрожат дряблые кости мира
перед красной войной.
<...>

Es zittern die morschen Knochen
Der Welt vor dem roten Krieg,
<...>

(Припев) Мы продолжим маршировать,
даже если все рассыплется в прах.
Потому что сегодня нам принадлежит
(нас слушает) Германия,
а завтра – весь мир.

Wir werden weiter marschieren
Wenn alles in Scherben fällt,
Denn heute (ge)hört uns Deutschland
Und morgen die ganze Welt.

И если весь мир будет в руинах
после нашей борьбы,
ни черта нас не будет это волновать,
мы его восстановим.
<...>

Und liegt vom Kampfe in Trümmern
Die ganze Welt zuhauf,
Das soll uns den Teufel kümmern,
Wir bauen sie wieder auf. [5, с. 27–28]
<...>

Любима в среде «государственной молодежи» была песня «Мы, молодое поколение» (текст и музыка: Генрих Спитта, Heinrich Spitta, «Wir Jungen») с бурлящим коловращением символов (света-тьмы, старого-нового, прошлого-будущего):

Земля создает новое, земля забирает старое,
святая германская земля, корми нас одна
<...>

Erde schafft das Neue, Erde nimmt das Alte,
deutsche heil'ge Erde uns allein erhalte
<...>

Припев:

Мы, молодое поколение, идем с верой навстречу
солнцу,
в германскую землю, мы священная весна.
Вера создает новое, вера стирает старое,
германская святая вера, не охладей в нас
никогда,

Wir Jungen schreiten gläubig der Sonne zugewandt,
Wir sind ein heil'ger Frühling, ins deutsche Land.
Glaube schafft das Neue, Glaube tilgt das Alte,
deutscher heil'ger Glaube, nie in uns erkalte,
neu ist er geboren aus der Dunkelheit,
Wimpel wehend künden: Deutschland ist befreit.

она вновь родилась из темноты,
вымпелы, развеваясь, возвещают: Германия
освобождена.

Wille schafft das Neue, Wille zwingt das Alte,
deutscher heil'ger Wille, immer jung uns halte;
Ewiges Walten uns den Führer gab,
wir geloben ihm die Treue bis ins Grab [10, с. 62].

Воля создает новое, воля вытесняет старое,
германская святая воля, сохраняй нас всегда
молодыми;

Вечное произволение дало нам фюрера,
Мы присягаем ему в верности до гроба.

Текст, несмотря на определенную словесно-смысловую неловкость, все же указывает на учение о новой, молодой Германии, включая концепт известного идеолога Рихарда Дарре о крови и почве (двуединство территории и нации должны были породить поколение арийцев и «пробудить» в новых немцах древние возможности предков). Естественно, никто во время пения не должен был смущаться тем, что светоносная молодежь (она же «солнце», она же «весна») вышагивает с верой, родившейся где-то в «темноте». Характерно для нацистской риторики и указание на то, что «Германия освобождена», без всяких дополнительных данных: кем? от кого? когда? Наконец, при том, что к субъектам творческого процесса отнесены «(святая) земля», рожденная из темноты «(святая) вера», или, иначе, породившая веру «темнота», и отвечающая за молодость «(святая) воля», фюрер был дан германскому народу не этими творческими силами, а неким «вечным произволением». Иными словами, большинство песен четко отражали все тот же «организованный хаос» на месте идеологической матрицы. «Проходившие инициацию», – вспоминает один из «детей Гитлера», исследователь Хайер, – «просто чувствовали, что имеется в виду» [5, с. 39].

Тематическим стержнем большинства песенных текстов был, естественно, фюрер как носитель власти. Культ фюрера, созданный почти единолично фон Ширахом, существовал в неразрывной связи с культом смерти, танатократией, предполагал радостную готовность к жертве, по сути, религиозный догмат смерти за фюрера как пути к вечной жизни: это было соединение верности фюреру и верности мертвым предкам. Песенные строфы и названия становились лозунгами: «Германия должна жить, даже если нам придется умереть» (Г.Лерш, Heinrich Lersch), «За будущее Германии мы пойдем на смерть» (Г. Хаммер, Herbert Hammer), «Знамя больше, чем смерть» и проч. «Культе мертвых», или его эвфемистический вариант – концепт «крови и почвы» (Blut und Boden), к которому относились все прочие «подкульты»: земли (крестьянство с постоянным набором слов-символов: плуг, урожай и проч. как зеркальное отражение и продолжение солдатского мира: меч, враг и проч.), смерти за фюрера, матери, дарящей детей фюреру, – давал нацистскому миру обилие символики ритуального характера.

Смерть обеспечивала переход в новое время и новую Германию. Концепт новой Германии, содержащийся в песнях, переносился из реалистичной в мистическую плоскость: новая Германия не предусматривала достижения какой-либо конкретной политической, социальной или культурной программы. Марширующие пимфы и гитлеровцы не догадывались, что «Гитлер делал все, чтобы подростки были глупыми и необразованными» [12, с. 68], что формирование нового типа немца подразумевало лишь выносливого, жестокого и послушного «последователя». Песни тем временем связывали жизнь и смерть, будущее и прошлое, кровь и землю (почву как символ жизни и почву как символ смерти) в тугой гордиев узел. Поскольку доминанту нового миропонимания составлял культ смерти, светлое будущее, в которое молодежь могла попасть, лишь пролив свою кровь, означало возвращение к своим корням, в славное прошлое героев и воинов германского эпоса, как в некую Вальхаллу. Показателен текст Генриха Анакера «Многим придется пасть» (Heinrich Anacker, «Fallen müssen viele»), в котором легитимируется типичная жажда крови фюрером – удобрение немецкой почвы телами и кровью ради новой Германии:

Многим придется пасть и сгинуть в ночи,
прежде чем у конечной цели будут подняты
знамена.

<...>

Вам, которые идут за нами,
мы вчekanиваем в сознание:
счастье должно достигаться
ценой крови.

Fallen müssen viele und in Nacht vergehn,
eh am letzten Ziele groß die Banner when.

<...>

Euch, die nach uns kommen,
hämern wir es ein:
was zum Glück soll frommen
muß erblutet* sein! [5, с. 49]

Еще более кровавой оказалась любимая всеми «детьми Гитлера» песня «Пусть взвьются знамена в великую утреннюю зарю» Ханса Баумана (Hans Baumann, «Nun lasst die Fahnen fliegen», 1934), поскольку и сами знамена со свастикой, и «заря» (Morgenrot) и «кровь» имеют единый красный цвет и относятся к общему семантическому полю.

Пусть взвьются знамена
В великую утреннюю зарю,
Которая осветит нам путь к новым победам
Или сожжет нас!

Ибо даже если мы падем,
Наше государство будет стоять как собор!
У одного народа сто урожаев,
и сто раз он идет на жатву.

Германия, смотри на нас, мы посвящаем
Тебе смерть как наименьший подвиг!
Если она коснется наших рядов,
Мы станем великим урожаем!

Nun laßt die Fahnen fliegen
in das große Morgenrot,
das uns zu neuen Siegen
leuchtet oder brennt zu Tod!

Denn mögen wir auch fallen,
Wie ein Dom steht unser Staat!
Ein Volk hat hundert Ernten
Und geht hundertmal zur Saat.

Deutschland, sieh uns, wir weihen
Dir den Tod als kleinste Tat!
Grüßt er einst unsre Reihen
Werden wir zur großen Saat! [10, с. 30]

Этот текст вкупе с мелодией, напоминающей церковный гимн, рисует предельно танатократическую реальность рейха: Германия увешена красными знаменами, залита кровью и светом / жаром утренней зари (т.е. тоже кровью), люди, как злаки, неиссякаемым потоком выходят из земли, чтобы ее удобрить, при этом идея государственности, сакрализованная, уподобленная собору, стремится ввысь, в то время как новые немцы должны, напротив, «пасть».

Знамя было одним из важнейших символов, причем особенно ценилось «освященное», прошедшее ритуал соприкосновения с «кровавым» (blutgetränkt) знаменем Пивного путча 1923 года, когда некоторые соратники Гитлера были убиты полицией. Знамя было не просто символом Родины, как в старых солдатских песнях, а проводником в новую жизнь, «символическим остовом национального заклинательного ритуала» [5, с. 30]. Знаменитая песня Бальдура фон Шираха «Вперед! Вперед!» («Vorwärts, vorwärts! Schmettern die hellen Fanfaren»), написанная им для культового фильма «Гитлеровец Квекс» по роману Карла А. Шенцингера, ясно показывает, что на знамя переносится религиозная символика креста, ведущего в вечность:

* Глагол «erblutet» был неологизмом.

Наше знамя веет перед нами,
наше знамя – это новое время.
И знамя ведет нас в вечность!
Да! Знамя – больше, чем смерть!

Unsere Fahne flatter uns voran,
unsere Fahne ist die neue Zeit.
Und die Fahne führt uns in die Ewigkeit!
Ja! Die Fahne ist mehr als der Tod!
[10, с. 21–22]

Для ритуального поднятия и приветствия знамени писались многочисленные короткие речевки-слоганы (Fahnensprüche), звучавшие как заклинания, как религиозный обет:

У того, кто присягает знамени фюрера,
нет ничего, что принадлежало бы ему самому.

Wer auf die Fahne des Führers schwört,
hat nichts mehr, was ihm selber gehört
[13, с. 37], –

а в случае Мартина Дамса (Martin Damss) они приравнены к молитве:

Нам всем это будет как молитва:
Мы можем пасть, знамя будет стоять.
Мы можем погибнуть, не оставив имени, –
Германия должна стоять, вечная и великая!

Das ist uns allen wie ein Gebet:
Wir mögen fallen, die Fahne steht.
Wir mögen vergehen, namenlos –
Deutschland muss stehen ewig und groß!
[3, с. 83]

В своей сакральной значимости знамени несколько уступает барабан, хотя и остается, как и знамя, главным символом эпохи. Тем более, что в Третьем рейхе главным барабанщиком представлялся сам фюрер. Если фанфары возвещали «будущее-вечное» и свидетельствовали о свете, то барабан отбивал такт, которого должен был придерживаться рейх – в строю и в бойцовской песне. Звук барабана – призыв достойных, а также оружие против тьмы («Неси теперь, товарищ, барабан перед нами», Г. Напирски, «Jetzt trag die Trommel vor uns her», Herbert Napiersky):

Неси теперь, товарищ, барабан перед нами
и бей в него!
Он так хорошо звучит, он так тяжело грохочет;
он призывает к нам сильных
И разгоняет тьму.

Jetzt trag die Trommel vor uns her, Kamerad,
und schlag das Fell!
Das klingt so gut, das dröhnt so schwer;
das zwingt die starken zu uns her
Und schlägt das Dunkel her [10, с. 217–218].

Игре символической светотени была подчинена не только повседневная, но и художественная реальность: тьме недавнего прошлого противостоит свет нацистского настоящего и тем более будущего – костры, пламя, пожары, огни. Часто сочетание «тьма – старое поколение» и «свет – молодежь»: «Наши костры будут гореть дольше, чем ночь. / Темнота исчезнет, молодое поколение дежурит» [10, с. 39] (Ханс Шой, «И снова горят огни», Hans Scheu, «Und wieder leuchten Brände»). Ассоциативный ряд «свет – молодежь» дополняется понятием свобода:

Давайте сойдемся,
Смерть и свобода не умирают,
из пламени войны
мы несем яркий свет.

Tretet nun zusammen,
Tod und Freiheit sterben nicht,
aus des Krieges Flammen
tragen wir ein starkes Licht. [14]

Показательно, что «свобода» уравнивается со «смертью» как нечто вечное. При этом «только свободе принадлежит наша жизнь», поскольку «свобода – это огонь, это яркий свет» [15], поется в песне Ханса Баумана. Символом «несвободы», «рабства» изначально был Версальский договор, текст которого, обрамленный в черную рамку, присутствовал в элитных школах Адольфа Гитлера как скорбное напоминание и политический импульс. Но в большей мере «несвобода» носила абстрактный характер, так же, как и образ «врага», в борьбе против которого надо было пролить свою кровь всему народу.

Вокруг культа фюрера и культа смерти группировались поддерживаемые пропагандой мифологемы, должны были подчинить себе сознание подростков: национальное самосознание, народное единение во имя высшей цели – Великой Германии, «возвращение» зарубежных немцев на Родину, осознание себя «народом без пространства» с вытекающим отсюда правом на экспансию на Восток.

Песням «государственной молодежи» была свойственна черта, которую современники называли «китчем»: «Преувеличенно патетические формулировки создают сознание и ощущение жизни, далекие

от реальности, искусственный призрачный мир добродетели, героизма, нацистского величия, что окутывало своими чарами и правительство, и верноподданных, вождя и ведомых. Мы имеем дело с китчем, с китчем в истинном смысле, который уже не объект, а поведенческая позиция: бегство от действительности в нетронутый призрачный мир возвышенных чувств» [5, с. 31]. В отличие от Хайера, писавшего воспоминания после краха Третьего рейха, Эрика Манн в своей книге 1938 года четко различает попытку идеологов придать диктатуре мистический характер и неуместную по соседству с беспрецедентной жесткостью и жестокостью сентиментальность. «Эти песни, которые в Германии учат дети, отличаются одним и тем же воинственным и дышащим ненавистью характером, однако во многих строфах ощущим также элемент романтики, типичная для Гитлера и его народа смесь грубости и сердечного китча.

Бей, маленький барабан!
Мы отправимся в поход на Москву!
Мы хотим в Москву!
Пусть большевик почувствует нашу силу.
На пути цветут дикие розы,
когда солдаты Гитлера идут на Россию!»
[1, с. 149]

Du, kleiner Tambour, schlage ein!
Nach Moskau wollen wir marschieren!
Nach Moskau wollen wir hinein!
Der Bolschewik soll unsre Kraefte spueren.
Am Wege wilde Rosen bluehen,
Wenn Hitlerleut' nach Russland ziehn!

Для писательницы Гудрун Вильке образцом такого кричащего, безвкусного «китча» была песня В. Альтендорфа в минорной тональности из «Нашего песенника» – «Небо серое, а земля коричневая», которую пели часто и со слезами на глазах. Текст демонстрирует привычную официальную фальсификацию исторических фактов, не уступающую «делу Хорста Весселя»:

Небо серое, а земля коричневая,
тогда мужчины пошли на штурм,
и колокол звонил, и колокол пел
им с башни последнее приветствие.
Ночь была черной, а пламя – красным,
тогда они боролись за знамя.
Тогда пришли враги, тогда пришла смерть,
которая распластала их на знамени.
А оно было красным, и оно было белым
и черный знак посередине.

Der Himmel grau und die Erde braun,
da schritten die Männer zum Sturme,
und die Glocke klang und die Glocke sang
ihnen letzten Gruß vom Turme.
Die Nacht war Schwarz und die Flamme rot,
da stritten sie um die Fahne,
da kamen die Feinde, da kam der Tod,
der streckte sie auf die Fahne.
Und die war rot und die war weiß
Und das Zeichen schwarz in der Mitte.

<...>
Небо голубое, а земля коричневая,
ваши гробы и кресты, они напоминают.
И снова с башни колокол зовет на штурм,
теперь мы несем ваши знамена.

<...>
Der Himmel blau und die Erde braun,
eure Gräbe und Kreuze, die mahnen.
Und wieder vom Turm klingt die Glocke Sturm,
nun tragen wir eure Fahnen. [10, с. 116]

9 ноября 1923 года, день провалившегося Пивного путча, которому посвящен в «гитлеровском году» отдельный и, пожалуй, главный праздник, поскольку с него начинается официальная история фашизации Германии, со всем пафосом был преобразован в государственный миф, героическое поражение.

Наконец, заключал «гитлеровский год» в песенниках праздник йоль, который вместе с летним «днем молодежи» должен был заменить главные христианские праздники на древнегерманские, Рождество и Пасху – на дни зимнего и летнего солнцеворота. Примечательно, что среди «рождественских» песен нет ни одной традиционной с упоминанием Младенца Христа. Популярностью пользовалась песня, написанная легкой рукой Баумана и ненавязчиво (Бауман до вступления в Гитлерюгенд состоял в католической молодежной организации) подменявшая прежнее рождественское содержание:

Высокая ночь ясных звезд,
висящих над глубокой далью
широкими мостами,
по которым идут наши сердца.
Высокая ночь с большими кострами,
которые видны повсюду в горах.
Сегодня земля должна обновиться,
как новорожденный ребенок.
Матери, для вас зажгли
все костры, все звезды.
Матери, в глубине вашего сердца
бьется сердце всего белого света.

Hohe Nacht der klaren Sterne,
die wie weite Brücken stehen
Über einer tiefen Ferne,
drüber unsre Herzen gehen.
Hohe Nacht mit großen Feuern,
die auf allen Bergen sind.
Heut muss sich die Erd erneuern
Wie ein junggeboren Kind.
Mütter, euch sind alle Feuer,
alle Sterne aufgestellt.
Mütter, tief in euren Herzen
schlägt das Herz der weiten Welt [10, с. 124].

Текст песни вычерчивал образ рейха, который упорно закладывал в архитектуру Гитлер, – как увеличенное, расширенное, уходящее в далекий космос пространство. При этом Бауман ловко избавляется от религиозного смысла при сохранении канонической трехчастной структуры церковного песнопения (радость обоих миров – ангельского и человеческого, Богомладенец, Богородица), вводя нейтрально-германские тематические поля (красота природы, обновление мира как новое рождение в праздник солнцеворота с кострами, культ материнства). События «гитлеровского года» и непрерывное использование религиозной метафоры в песнях, подкрепляемые зрелищными обрядами, успешно осуществляли сакрализацию нацизма в сознании детей и подростков.

Песни в раннем возрасте проникали в самые глубины души, как опасный вирус, который работал над изменением сознания и который никакими средствами нельзя было вытравить из организма. Как правило, при сомнительном тексте песни имели благозвучные, светлые, легко запоминаящиеся мелодии, остававшиеся в памяти не только восторженных приверженцев партии, но и обычных людей. Песни рейха выстраивались в строгое *credo* нового немца, по сути, делая почти излишними другие средства «художественной» пропаганды, такие как театр и книги. «Мы, старики и свидетели, – вспоминает Гудрун Вильке, – до сих пор знаем эти тексты наизусть. <...> Для нас они были ключевыми словами для выражения смысла нашей жизни: служение Отечеству» [3, с. 147].

ЛИТЕРАТУРА

1. Mann, E. *Zehn Millionen Kinder. Die Erziehung der Jugend im Dritten Reich* / E. Mann. – B., Neues Leben, 1988.
2. Beumelburg, W. *Das jugendliche Reich: Reden und Aufsätze zur Zeitwende* / W. Beumelburg. – Oldenburg, Stalling, 1933.
3. Wilke, G. *Die Kinder- und Jugendliteratur des Nationalsozialismus als Instrument ideologischer Beeinflussung* / G. Wilke – Frankfurt / M., Lang, 2005.
4. Кноп, Г. «Дети» Гитлера / Г. Кноп. – М., Олма-Пресс, 2004.
5. Heyer, G.W. *Die Fahne ist mehr als der Tod. Lieder der Nazizeit* / G.W. Heyer. – München, W. Heine, 1981.
6. Речь А. Гитлера 04.12.1938 в Райхенберге // Klönne, A. *Jugend im dritten Reich. Die Hitler-Jugend und ihre Gegner. Dokumente und Analysen.* – Düsseldorf, Köln, Diederichs, 1982.
7. Kaminski, W. *Faschismus* / W. Kaminski // *Geschichte der deutschen Kinder- und Jugendliteratur.* – Stuttgart, Metzler, 1990.
8. Schönstedt, W. *Auf der Flucht erschossen. Ein SA-Roman* / W. Schönstedt. – M.-L., VEGAAR, 1934.
9. Engelmann, B. *Vorwort* / B. Engelman // Heyer G.-W. *Die Fahne ist mehr als der Tod. Lieder der Nazizeit.* – München, W. Heine, 1981.
10. *Unser Liederbuch. Lieder der Hitlerjugend* / Reichsjugendführung. – München, Zentralverl. der NSDAP, 1939.
11. Aleff, E. *Mobilmachung* / E. Aleff // *Das dritte Reich.* – Hannover, Fakelträger, 1970.
12. Von der Grün, M. *Wie war das eigentlich? Kindheit und Jugend im Dritten Reich* / M. Von der Grün. – Darmstadt-Neuwied, Luchterhand, 1979.
13. Helbig, L. «Und sie werden nicht mehr frei, ihr ganzes Leben!» Eine kleinbürgerliche Kindheit und Jugend im «Dritten Reich» / L. Helbig. – Weinheim-Basel, Beltz, 1982.
14. Baumann, H. *Burgen müssen stehen* / H. Baumann // Baumann H. *Der helle Tag.* – Potsdam, Voggenreiter, 1938. – № 53.
15. Baumann, H. *Nur der Freiheit gehört unser Leben* / H. Baumann // Baumann H. *Der helle Tag.* – № 54.